

ГЛАВНЫЕ МЕДИКИ СОВЕТСКОЙ ГАТЧИНЫ 1919 – 1941

Часть 1-я

3 ноября 1919 года войска Красной армии овладели Гатчиной. Газета «Петроградская правда» в номере от 5 ноября сообщала:

«Причудливый вид имела Гатчина в первую ночь своего освобождения. На перекрёстках улиц разложены костры, вокруг которых греются часовые и патрули. Вдоль домов тянутся лентой вступающие в город пехотные части, медленно проезжают обозы, грозно стоят на охране несколько броневиков... Почти всё мужское население уведено белыми насильно. Местная буржуазия бежала сама».

Цитата из моей книги «Старая Гатчина. Летопись и очерки медицинской жизни», часть 6-я (завершающая):

«День 3 ноября 1919 года стал датой окончательного ухода старого здравоохранения нашего города. Вместе с отступающими частями армии генерала Юденича Гатчину тогда покинуло большинство врачей, фельдшеров и сестёр милосердия. Некоторые уходили из идейных соображений. Других, среди коих было большинство городских фельдшеров-мужчин и сестёр милосердия, мобилизованных в белую армию, вынудили к этому воинский долг и дисциплина.

Уже через несколько месяцев некоторые из фельдшеров начнут возвращаться в Гатчину, а вот врачи так и останутся мыкать горе разлуки с Родиной на чужбине. Кое-кто приживётся в другой стране, сделает карьеру. Но никто из них до конца дней своих так и не увидит больше любимую Гатчину...».

Именно с 3 ноября 1919 года начался отсчёт деятельности советского здравоохранения в нашем городе, хотя советская власть формально установилась в Гатчине после 25 октября 1917 года. Но власть в городе не раз переходила в те годы из рук в руки. И только с 3 ноября 1919 года в Гатчине на многие годы воцарилась власть большевиков.

Белые были в Гатчине 16 дней. Через несколько дней после их ухода, 8 ноября 1919 года, петроградская газета «Северная коммуна» опубликовала статью своего корреспондента «Пребывание белых в Гатчине». Вот о чём рассказано в статье:

Сам город с внешней стороны мало пострадал. Дворец нетронут. Уцелела электростанция. Сожжено лишь здание Совета. Все продовольственные склады разгромлены и разграблены. Увезены телефонные аппараты. В некоторых квартирах – вывезена вся мебель, рояли.

Расхищены запасы керосина.

Один из местных протоиереев на требование белых отслужить по случаю занятия ими города благодарственный молебен, ответил отказом.

Другой представитель духовенства сражается против белых.

В лазаретах после ухода белых осталось 65 коммунистов и курсантов. Белым не удалось установить их принадлежность к врагам, т. к. все документы были своевременно уничтожены.

В одном из лазаретов лежат двое раненых, приговорённых белыми к смертной казни. Оба оказались недобитыми: у одного – сквозная рана живота; у другого – ранение от пули и следы 7-ми штыковых ударов. Дело в том, что приведение приговоров в исполнение осуществляли сами мелкие группы белогвардейцев. Трупы казнённых они тщательно не осматривали и не убрали. Поэтому случалось, что некоторые жертвы выживали. Так было и на этот раз.

Первый из выживших, придя в сознание, сам дополз до лазарета. Второй, раздетый белыми донага, получил помощь от окрестного населения: его перевязали и доставили в лазарет.

Пациенты лазарета сообщили, что раненых не кормили трое суток, а затем выдали по 2 картофелины на человека. Раненые отметили, однако, что персонал лазарета относился к ним исключительно хорошо.

Старший врач лазарета был белыми первоначально арестован, затем выпущен, но при уходе белые насильно захватили его с собой.

Перед новой властью города сразу же встала проблема восстановления и развития здравоохранения. Гатчина по-прежнему была переполнена войсками, теперь уже советскими. К этому надо прибавить голод, плохие условия существования большинства населения, эпидемии. А главное – ширилась Гражданская война, увеличивающая и без того огромное число раненых, больных, беженцев и сирот.

О том, какова была жизнь города в 1920-е годы, написано в моём очерке «Гатчина 1920-х годов».

Ещё одной трудноразрешимой проблемой тех лет стал топливный кризис. Он разразился с началом холодов зимой 1919 года. Коснулся он и Гатчины. Сергей Ефимович Степанов (1903 – 1993), один из тех, кому довелось руководить городским здравоохранением в 1920 – 1930-е годы, рассказал мне в 1974 году о том, каким образом ему довелось однажды решать эту проблему.

По словам Степанова, в начале 1920-х годов, зимой, ему поручили навести порядок в городской больнице. Когда он пришёл туда, его поразили холод и темнота в помещениях. В длинных коридорах, идущих от одного крыла здания до другого, темнота едва-едва разбавлялась светом одиноких свечей. Не лучше обстояло дело и в огромных палатах. Собственно, свечи были не только единственными источниками света, но и тепла. Печи (их топка была непростым делом даже в лучшие времена) давно не топились по причине отсутствия топлива. Запасы его были израсходованы в 1917 – 1919 годах и с тех пор не пополнялись.

Сергей Ефимович всё-таки нашёл временный выход из этого положения: он приказал протопить печи гробами, немалый запас которых имелся при госпитальной часовне. Дальше дело пошло веселее: топливо начало прибывать, ибо новая власть направила на заготовку топлива для городских учреждений все наличные силы, в т. ч. принудительно привлечённых лиц из числа «бывших».

Что касается того, кто был главным врачом городской больницы в 1919 году, вопрос остаётся открытым: требуются серьёзные архивные изыскания.

А в 1920 году городской больницей руководил врач Абель. Кроме фамилии, о нём мне ничего не известно.

В 1921 году главным врачом больницы была вначале врач А.А. Покровская, а с февраля – врач Штейнберг.

Следует сказать, что бывший Городовой госпиталь в Гатчине в эти годы именовался то Госпиталем, то – Городской коммунальной больницей. А руководителя учреждения называли: то старшим врачом, то главным врачом, то заведующим больницей.

Все врачи-мужчины старой Гатчины покинули город 3 ноября 1919 года вместе с отступающей Белой армией. В бывшем Городовом госпитале осталась только врач Анна Дмитриевна Долгова, которой в это время было уже 73 года, а работала она в заразных бараках (инфекционная больница).

Мне не известно, откуда пришли в Городскую больницу Гатчины врачи Абель, А.А. Покровская и Штейнберг. Но два следующих старших врача больницы, а также два других её врача и значительное число средних медработников и служащих, пришли в здравоохранение советской Гатчины из дислоцированных в городе военных госпиталей санитарной части 7-й армии.

Военные госпитали

В 1919 – 1921 годах в Гатчине дислоцировались:

1087-й двухсводный подвижной полевой красноармейский госпиталь.

Имел 500 коек. Располагался в следующих помещениях:

а) второй этаж Гатчинской городской больницы (ныне Городская администрация);

б) городская поликлиника (ныне Стоматологическая поликлиника); здесь имелось два лечебных отделения военного госпиталя, а также хозяйственные кладовые;

в) деревянное одноэтажное здание бывшего летнего отделения Городового госпиталя; здесь разместилось кожно-венерическое отделение (здание, стоящее на нынешней детской площадке «Юность» вдоль улицы К. Маркса, утеряно во время Великой отечественной войны);

г) деревянное одноэтажное здание, где в старой Гатчине находилось управление Городового госпиталя и жил его смотритель; здесь размещался штаб 1087-го госпиталя (после расформирования военного госпиталя в здании помещалась лаборатория Городской больницы; здание не сохранилось);

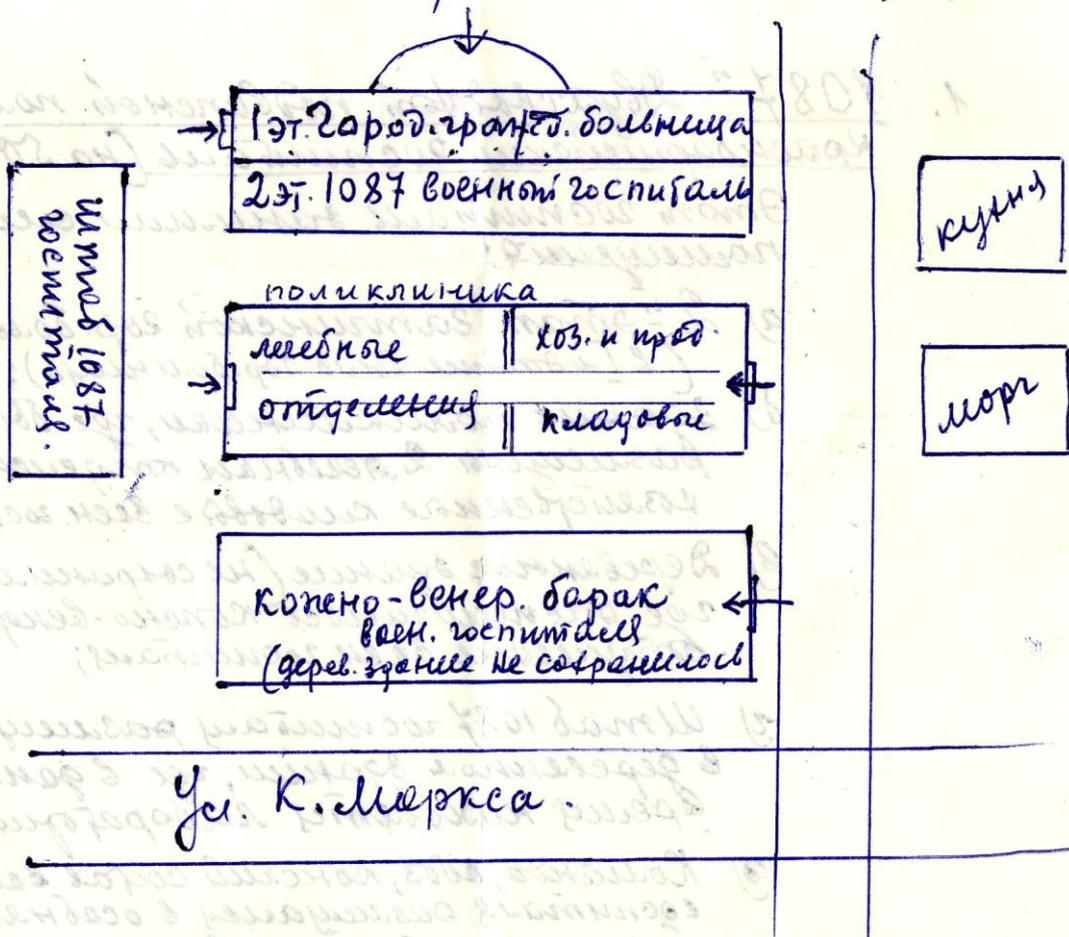
д) здание на улице Урицкого, 20 (дом с пандусом); здесь размещались: команда военного госпиталя, обоз, конский состав.

Все подразделения Госпиталя № 1087, расположенные на территории Госпитального городка, легко найти на представленном плане. Там же указан руководящий состав Госпиталя. Начальник Госпиталя, врач Дмитрий Александрович Докукин (родился в 1874), после расформирования учреждения перешёл в Городскую больницу Гатчины.

Бывший секретарь военкома этого Госпиталя, Александр Иванович Петропавловский (о нём речь ниже), 27 мая 1973 года любезно составил для меня справку о военных госпиталях в Гатчине в 1919 – 1921 годах. В данном очерке привожу копии фрагментов этой справки.

Руководство

Мар-к 1087 госпиталь
 Доктор Докукин Дмитрий Александрович
 Военный Комиссар Зонов
 Секретарь партбюро Седовичев Кирилл Мерзеевич
 Секретарь военкомы Петрушовский Андрей Иванович
 Зам. Н-ка госпиталя по МТО
 Трестовсон Константин Иванович

Полевой запасной госпиталь № 946.

Начальник этого Госпиталя, врач Густав Иосифович Гиттельсон, после расформирования учреждения перешёл в Городскую больницу Гатчины, а в 1923 году стал её главным врачом.

Есть сведения, что Татьяна Марковна Трейвуш, которая работала главным врачом Городской больницы Гатчины в 1922 – 1923 годах, какое-то время была главным врачом 946-го полевого запасного госпиталя.

2. Военный госпиталь № 946 (на 200 коек)

Н-к воен. госпиталя доктор Гиттельсон.

Этот госпиталь размещался в здании (отдельная постройка) бывш. городской взрывной больницы на ныне Роуцкинской улице (недалеко от дома Шварцкопф)

Военный госпиталь № 585.

3. Военный госпиталь № 585 (на 200 коек)

Н-к воен. госпиталя доктор Беневиц

размещался в 3-х каменных домах б. Каварья Каваря у. Багратионовского вокзала (в данное время там находится военно-окружной госпиталь ЛВО).

Начальник этого Госпиталя, врач Бенциан Исаакович Беневиц (родился в 1888), после расформирования учреждения перешёл в Городскую больницу Гатчины.

Справку
сослал —

27/1/73.

Петропавловский А.И.

ветеран гражданской и Великой
отечественной войны

б. сотрудник Отдела Скаднен-
ских Штаба 7-ой Армии.

Служил в РККА 1919-1923 гг.

г. Гатчина, Ул. Каменва 1/2 кв. 6.

Александр Иванович Петропавловский

В первой половине 1970-х годов я всерьёз занялся краеведением Гатчины, а именно – историей её здравоохранения. В эти же годы при Краеведческом музее Гатчины, что размещался в Приоратском дворце, и где директором тогда был Юрий Минаевич Пирютко, года три регулярно работал на

общественных началах Клуб краеведов Гатчины. Мне довелось быть президентом этого Клуба.

На собраниях Клуба бывали старожилы и ветераны краеведения – Фёдор Васильевич Грошиков (1894 – 1975); Алексей Степанович Пантелеев (1899 – 1992), а также молодые краеведы – Владимир Константинович Монахов (1947 – 2007); Любовь Фёдоровна Куляхтина, сотрудница Краеведческого музея.

Среди активистов Клуба был и Александр Иванович Петропавловский – коренастый, невысокий, малоразговорчивый человек. Вначале я не очень присматривался к нему. Только позднее выяснилось, что Петропавловский – человек чрезвычайно обязательный и дружелюбный. Стоило мне как-то завести с ним разговор о гатчинской медицине, как он вскоре подготовил и принёс мне справку о военных госпиталях в Гатчине 1919 – 1921 годов.

В эти годы мне не раз приходилось встречать Петропавловского на прогулке. Его всегда сопровождала собака-боксёр, такая же спокойная, основательная и неторопливая, как её хозяин. У них даже походка была похожей!

И только теперь, когда Александра Ивановича давно уже нет в живых, я вдруг узнал новые сведения об этом человеке. Причём сразу из двух источников: из воспоминаний Андрея Валентиновича Пац-Помарнацкого (1903 – 1981) и из воспоминаний Бориса Александровича Удальцова.

**Андрей Помарнацкий
1920-е годы**

В 1972 году А.В. Пац-Помарнацкий написал очерк «Соперник», в котором рассказал об А.И. Петропавловском. Привожу отрывок из этого очерка:

«На днях пожаловал к нам Александр Иванович Петропавловский, 1902 года рождения, гладко выбрит, округл, лысоват, в движениях быстр, деловые бумаги пишет бойко.

В Гатчине они живут, по его словам, с 1911 года, то есть он на год старше меня по возрасту и на год моложе как гатчинец, так что взаимно сокращается.

Вживе я его отроду не видел, а слышать – слышал, а когда и от кого – о том будет дальше.

Учился Александр Иванович не в Гатчинском реальном, а в Петербурге, как он сказал, поначалу в гимназии.

На крайнее моё удивление – как это, имея такое прекрасное Реальное, как Гатчинское, учиться в Петербургской гимназии – из каких же это видов? – он, несколько смешавшись, сказал, что отец его был военный, а потому он и учился в военной гимназии.

На моё резонное замечание, что военные гимназии ещё при покойном государе Александре III были обращены в кадетские корпуса, он охотно мотнул утвердительно головой и уточнил, что учился во 2-м кадетском корпусе.

Видно так и врал всю жизнь в анкетах, что он гимназист, имея в виду, в случае чего, уточнить, что он военный гимназист.

Дальше беседа пошла легче, лёд растаял.

Отец его командовал ротой в 91-м пехотном Двинском полку 23-й пехотной дивизии, стоявшем в Ревеле, а мать жила в Гатчине.

В 1918 году он кончил 6 классов корпуса (я, соответственно, 5 классов Реального) и как сирота – «отца уже не было» - попал в Первую Петроградскую Единую трудовую школу-интернат, что была организована осенью

восемнадцатого года на Кирочной, напротив Таврического сада, в бывшем офицерском собрании лейб-гвардии Преображенского полка.

На открытие учебного года приезжала сама Злата Лилина, жена Зиновьева, - она была тогда зав. Петроградским ОНО, то бишь Отделом Народного Образования (потом её расстреляли) и держала к ним речь, вроде Ивана Ивановича Бецкого, что мы, дескать, воспитаем из вас новую породу людей, очистив вас от нечистот капитализма и пережитков феодализма.

Проучившись в Единой трудовой школе год и завершив таким образом своё среднее образование, Александр Иванович летом 1919 года поступил добровольно в Красную армию, в интендантство 7-й армии. Располагалось оно в Гатчинском дворце, в Кухонном каре, и здесь он встретился с Помарнацким – «очень высоким», то бишь со старшим моим братом, который действительно летом этого года, во время майского драпа наших войск при первом наступлении белых на Петроград, имел какое-то отношение к «продовольствованию» отступающих войск, и однажды ночью переполошил нас в доме Вереха на Николаевской улице (дом № 15; смотри мою книгу «Николаевская (Урицкого) улица» - В. К.) громким стуком в наглухо закрытые ворота, а когда ему отворили, въехал во двор на парной военной повозке и сгрузил нам, голодающим, баранью ногу, которую я помню всю жизнь, и ещё что-то, наверное, это было пшено, лярд, селёдки и мыло.

Когда кончилась Гражданская война, Александр Иванович вернулся в Гатчину, где-то служил (где – я не запомнил) и тут и жил до 1941 года.

Когда началась последняя война, Александр Иванович попал на курсы армейских интендантов, и, кончив их, получил как человек образованный назначение к Хрулёву, начальнику тыла Красной армии. В аппарате Хрулёва он провёл всю войну, закончив её в чине майора (про ордена я не спрашивал).

После войны он работал на железной дороге и одно время что-то делал не то по организации, не то по обеспечению поездок высоких особ и целых делегаций, наших и зарубежных, из Москвы в Ленинград. Работа была нервная, случился инсульт, и врачи погнали его на пенсию.

Его тянуло на родину. В 1963 году он обменял свою ленинградскую квартиру и поселился в Гатчине, на Люцевской – ныне она называется улицей Чкалова, - близ Варшавского вокзала, в доме № 1/2. Живёт он там с женой. Жена его, псковитянка, женился он на ней сорок три года тому назад, в 1929 году.

Слыхал же я о нём ещё в 1923 – 1924 году, то есть тогда, когда он не был ещё женат, от моей *Erste Liebe*, которая, когда мы ссорились, всегда ставила мне в пример голубоглазого Сашу Петропавловского – какой он скромный, тихий, ну прямо соллогубовский нежный отрок Ипполит. Поэтому я теперь очень веселился, глядя на сидящего передо мною бойкого Чичикова, в коего превратился былой мой соперник.

Приехал он ко мне нынче, дабы просить содействия или совета по вопросу о мерах, кои необходимо предпринять, дабы предотвратить гибель гатчинских парков – Приората и Зверинца, пришедших в полное запустение вследствие небрежения и равнодушия местных властей.

Адрес мой Александр Иванович узнал в Приоратском замке, в Музее краеведения, где наткнулся на мою фамилию в списке всякого рода просвещённых соревнователей и гатчинолюбов, и взял да и прикатил ко мне,

А.И. Петропавловский

как к автору книжек о Гатчине, да ещё, возможно, и сослуживцу по интендантству 7-й армии во времена Гражданской войны. Здесь он ошибся, но тут же взял у меня адрес старшего моего брата, чтобы непременно и вскоре же его визитировать.

Когда я поведал ему, от кого и при каких обстоятельствах слышал его фамилию полвека тому назад, он оживился, произнёс: «А!... Эльфрида Мяттик...», сказал, что танцевал с нею несколько раз, что она была прелестная девушка, но что одна рука у неё, бедняжки, была наполовину парализована. Тогда я вспомнил, что так оно и было, но я совсем про это забыл, так как совсем не это держит память.

Вспомнил мой гость, что она уехала в Эстонию в середине двадцатых годов и по каким-то сведениям, которые у него были, умерла там, кажется, ещё до войны.

«Значит, мы с вами свояки», - сказал он и тут же поспешно добавил, исправляя допущенную ненароком кадетскую грубость: «платонические, конечно...».

Уходя он очень форсисто щёлкнул каблуками, прикладываясь к Лизинной (жена А.В. Помарнацкого - В. К.) руке, и удалился, оставив после себя приятное ощущение неувядаемой молодцеватости мыслей и поступков...».

Александр Иванович Петропавловский был одним из соратников замечательного и неутомимого ревнителя природы и памятников Гатчины, Бориса Александровича Удальцова, в борьбе за спасение и сохранение гатчинских парков, памятников и памятных мест, окрестных лесов.

На фотографии из книги Б.А. Удальцова «Моё жизнеописание»: слева направо – Алексей Степанович Пантелеев, Борис Александрович Удальцов, Александр Иванович Петропавловский.

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ